

О БЕССМЫСЛИЦЕ И СТРУКТУРЕ БОГА

ЖАК ЛАКАН

Принципы анализа бреда
Собеседники
Брошенность
Диалог и сладострастие
Политика Бога

По поводу употребленного Шребером выражения (голоса давали ему знать, что им чего-то “не хватает[ся]”) я уже замечал, что подобные обороты речи не возникают сами по себе, а рождаются в процессе исторического развития языка, – причем в кругах достаточно образованных, – чтобы проявлять к вопросам языка специальный интерес. И хотя на первый взгляд кажется, что они вполне естественно вытекают из данной аранжировки означающих, исторически можно достаточно точно установить, когда они впервые появились.

Итак, я говорил, что выражение *le mot me manque* (“у меня не хватает слов”), кажущееся нам столь естественным, на самом деле, как свидетельствует словарь Сомэза, вышло из кружков языковых пуристов. В те времена оно казалось столь необычным, что Сомэз отметил его появление, приписав его Сент-Аманту. Я нашел у Сомэза около сотни подобных оборотов: *C'est la plus naturelle des femmes* (“для женщин это вполне естественно”) – *Il est brouille avec Untel* (“он с тем-то поссорился”) – *Il a le sens droit* (“он мыслит здраво”) – *Tour de visage* (“выражение лица”) – *Tour d'esprit* (“склад ума”) – *Je me connais un peu en gens* (“я разбираюсь в людях”) – *Jouer a coup sur* (“действовать наверняка”) – *Il agit sans façons* (“он действует бесцеремонно”) – *Il m'a fait mille amities* (“он осыпал меня любезностями”) – *Cela est assez de mon gout* (“по мне этого достаточно”) – *Il n'entre dans aucun detail* (“он не входит в подробности”) – *Il s'est embarqué en une mauvaise affaire* (“он ввязался в плохую историю”) – *Il pousse les gens a bout* (“он доводит людей до крайностей”) – *Sacrifier ses amis* (“жертвовать своими друзьями”) – *Cela est fort* (“это слишком”) – *Faire des avances* (“пойти навстречу”) – *Faire figure dans le monde* (“занимать видное положение”). Все эти обороты, давно вошедшие в обиход и звучащие для вашего уха совершенно естественно, характеризуются у Сомэза и в Риторике Берри 1663 года издания как созданные в кружках пуристов. Это говорит о том, сколь иллюзорна на самом деле идея, будто язык формируется путем простого и непосредственного восприятия реальности. Все подобные выражения требуют длительной языковой проработки, импликации и редукции реального – того, что мы могли бы назвать метафизическим прогрессом. То, что люди действуют определенным образом, используя определенные означающие, предполагает множество предвзятых условий. Так, выражение “мне не хватает слов” предполагает прежде всего, что слова эти налицо.

1.

Итак, сегодня мы продолжаем наше рассуждение, опираясь на выработанные нами методические принципы. Чтобы сделать еще один шаг к пониманию бреда судьи Шребера, обратимся к документу. Впрочем, ничего другого в нашем распоряжении все равно нет.

Я обращал ваше внимание на то, что документ был составлен Шребером уже на достаточно поздней стадии психоза, когда он смог описать словами свой бред. По этой причине от нас ускользает нечто такое, что может показаться исходным, основополагающим, первичным – живой, непосред-

венный опыт, пресловутые невыразимые и непередаваемые переживания в период ранней или яркой фазы развития его психоза. Однако в этой связи у меня имеются веские возражения.

Никто не запрещает нам внушать себе, будто мы теряем таким образом самое главное. Сожалея о потере главного, обычно пренебрегают тем, что под рукой, и на что тоже не грех обратить внимание. Почему, собственно, конечная фаза должна быть менее поучительна, чем первичная? Вовсе не обязательно, что материал, который она содержит, менее ценный, тем более, что, согласно выработанному нами принципу, при исследовании бессознательного основополагающее значение имеет отношение субъекта к Символическому.

Принцип этот требует отказа от той имплицитно заключенной во множестве систем идеи, что все, выраженное субъектом в словах, – это лишь негодное и искаженное истолкование непосредственного переживания, которое и является некоторой первичной нередуцируемой реальностью. Именно эта гипотеза лежит в основе “Больного сознания” Блонделя – работы, на которую нам не раз приходилось ссылаться. Согласно Блонделю, в переживании бредового субъекта есть нечто столь оригинальное и самобытное, что он не в силах это выразить, не введя нас в заблуждение. Нам остается лишь отказаться от всяких попыток проникнуть в это непроницаемое переживание. Перед нами – подразумеваемая всей, так сказать, современной мыслью психологическая аксиома, признаком которой является злоупотребление словом “интеллектуализация”.

Все без исключения разновидности современных интеллектуалов признают существование чего-то не поддающегося анализу, для мышления заведомо не доступного. Бергсон немало сделал, чтобы упрочить этот опасный предрассудок.

Одно из двух: либо бред вообще находится вне сферы нашей компетенции как психоаналитиков и не имеет ничего общего с бессознательным, либо он порождается бессознательным в том его понимании, которое было выработано нами (то был именно совместный труд) в течение нескольких последних лет.

Бессознательное фундаментальным образом структурировано, сплетено, опутано, соткано языком. Причем означающее играет не просто не менее важную роль, чем означаемое, а роль основополагающую. Ведь на деле язык характеризует система означающих как таковых. Сложная игра означающего и означаемого ставит вопросы, в которые мы не углубляемся, поскольку я читаю не курс лингвистики, но даже при беглом рассмотрении вы достаточно ясно понимаете, что связь между означающим и означаемым далеко не является, пользуясь термином теории множеств, взаимоднозначной.

Означаемое – это не вещи, уже в первозданном своем состоянии расположенные в порядке, открытом для значения. Значение – это человеческий дискурс, имеющий свойство всегда отсылать к другому значению. В своем знаменитом курсе лингвистики Соссюр рисует схему, на которой представлены два потока – поток значения и поток дискурса, т.е. того, что мы слышим. Схема эта показывает, что в разделении предложения на его составные элементы уже есть момент произвольности. Единицы, именуемые словами, конечно, существуют, но не так уж они едины, если к ним приглядеться. Для нас, впрочем, это сейчас не так важно. Так вот, Соссюр полагает, что разделение потока означающего осуществимо благодаря определенной корреляции между означающим и означаемым. Для одновременного рассечения обоих потоков нужна, разумеется, пауза.

Схема эта весьма спорна. Так, мы наблюдаем, что в диахроническом плане, с течением времени, происходят сдвиги, и что эволюционирующая система человеческих значений непрерывно смещается и изменяет содержание означающих, получающих при этом новое употребление. Я надеюсь, что ранее приведенные примеры уже дали вам это почувствовать. С течением времени под означающими успевают произойти столь сильные сдвиги значения, что, как явствует со всей наглядной доказательностью, между этими двумя системами нельзя установить взаимоднозначного соответствия.

Каждая система означающих, т.е. язык, имеет ряд особенностей в словесном составе, употреблении слов, речевых оборотах, в которые эти слова группируются, и особенности эти определяют все происходящее в бессознательном, вплоть до самых оригинальных его хитросплетений. Если бессознательное действительно таково, каким рисует его Фрейд, то каламбур сам по себе может явиться опорой, поддерживающей симптом, – каламбур, даже в родственном языке уже невозможный. Это не значит, что симптом всегда основан на каламбуре, но он всегда основан на существовании означающего как такового, на сложном отношении одной совокупности к другой, а точнее, одной системы, взятой как целое, к другой, универсума одних означающих – к универсуму других означающих.

Сказанное очень хорошо соответствует учению Фрейда: просто невозможно приписать никакого иного смысла его термину “сверх-детерминация”, т.е. положению, что для появления симптома необходимо наличие по меньшей мере двух конфликтов – в прошлом и в настоящем. Без фундаментальной дуальности означающего и означаемого психоаналитический детерминизм был бы просто немислим. Материал, связанный с конфликтом в прошлом, сохраняется в бессознательном в качестве потенциального, виртуального означающего, а затем обращается в

означаемое конфликта в настоящем и используется им в качестве языка, т.е. симптома.

Поэтому если при изучении бреда мы будем исходить из предположения, что его следует рассматривать в плоскости психоанализа, сквозь призму открытия Фрейда и в соответствии с его пониманием симптома, у нас не останется никаких оснований пренебрегать системой мироздания судьи Шребера, ссылаясь на то, что это, мол, чисто словесный компромисс и вторичный продукт конечной фазы психоза (хотя свидетельство судьи далеко не всегда, конечно, выдерживает критику).

Мы знаем, что по мере развития болезни параноик задним числом переосмысливает свое прошлое и прослеживает истоки преследований, жертвой которых он себя считает, вплоть до первых лет своей жизни. Порой ему очень трудно бывает расположить событие во времени и он стремится с помощью игры отражений спроецировать его в прошлое, которое само становится несколько неопределенным – в прошлое вечного возвращения, как описал его Шребер. Но главное не в этом. Ценность текста такого объема, как рукопись судьи Шребера, обнаруживается в полной мере, если предположить, что означающие элементы пребывают в непрерывной и глубокой связи друг с другом от начала бреда и до его конца. Другими словами, окончательная картина бреда позволяет нам дойти до его первоначальных элементов, и уж во всяком случае, даст право пуститься на их поиски.

Таким образом, анализ бреда дает возможность понять фундаментальное соотношение субъекта с тем регистром, в котором организуются и раскрываются все проявления бессознательного. Не исключено даже, что этот анализ даст нам представление если не о механизме возникновения психоза, то, по крайней мере, о характере связи субъекта с символическим порядком, который содержит в себе психоз. Возможно, мы сможем понять, каким образом в ходе развития психоза от момента его возникновения и до конечной стадии (если вообще можно говорить о конечной стадии психоза) субъект соотносится со всей целостностью порядка / Символического, – с той совершенно особой средой, принципиально отличной от реальной среды обитания и от сферы воображаемого, с которой человек постоянно имеет дело и которая конституирует саму человеческую реальность.

То, что субъект пребывает в бредовом состоянии, не дает нам оснований заранее считать его систему бессвязной. Она, разумеется, ни к чему не применима – это действительно один из отличительных признаков бреда. По меркам социальной коммуникации, она производит впечатление абсурдного, и даже чрезвычайно удручающего. Первое, что испытывает психиатр, когда больной начинает описывать ее во всех красках, это отвращение. Выслушивать, как этот господин безапелляционно изрекает вещи, совершенно не совместимые с тем, что мы привыкли считать нормальными

причинными связями, неприятно, и, беседуя с пациентом, психиатр заботится главным образом о том, чтобы каждый штифт загнать в свой паз – именно так писал в конце жизни Пеги, говоря об усвоенном им на жизненном пути опыте и о тех, кто в момент уже разразившейся катастрофы хочет сохранить прежние связи между вещами незыблемыми. “Пожалуйста, по порядку, мсье”, – говорят они больному, и глядишь, все уже разложено по полочкам.

Бред, как и всякий дискурс, следует рассматривать, прежде всего, как поле значения, организовавшее некоторое означающее, так что пер-вейшее правило опроса больного при исследовании психоза состоит, пожалуй, в том, чтобы дать ему говорить как можно дольше. После это-го позволительно составить себе какое-то мнение. Я не хочу сказать, будто все клиницисты таковы, какими я их здесь представил, – большинство из них делает свое дело добросовестно. Но понятие элементар-ного феномена, выделение различных видов галлюцинаций, нарушений внимания и восприятия, и нескольких уровней способностей отнюдь не содействовали прояснению наших взаимоотношений с больным бредом.

Что касается Шребера, то ему удалось выговориться: благодаря тому, что с ним вообще никто не разговаривал, у него нашлось время для написания своего бесценного труда.

2.

Мы с вами уже знаем, что Шребер вводит в концерт слышимых им голосов различия, основанные на том, что в них действуют различные сущности. Эти сущности он именует царствами Божиими.

Множественность агентов дискурса являет собой в данном случае серьезную проблему, ибо субъект все же не считает их автономными. В тексте есть необычайной красоты места, где, ведя речь о голосах, автор дает нам почувствовать, что они связаны с божественной основой. Однако говорить об их “эманации” из этой основы мы не вправе, это было бы уже привнесенной нами конструкцией. Наша задача – следить за языком субъекта, а у него об эманации нет ни слова.

На полях экземпляра книги Шребера, который я держу в руках, остались заметки читателя, мнившего себя, надо полагать, человеком весьма ученым, ибо шреберовский термин “исхождение” (*procession*) он толку-ет именно в духе эманации. Читатель этот, конечно, слышал кое-что о господине Плотине, но в данном случае перед нами – образец тех скоро-спелых толкований, которые ни в коем случае недопустимы. Я не ду-маю, чтобы у Шребера здесь могла идти речь об исхождении в плоти-новском смысле.

В отрывке, который я вам прочел, субъект настаивает на том, что звук речи, которую он слышит, очень тихий; Шребер даже называет ее шепотом. Но слышна эта речь постоянно, непрерывно. Субъект может, по его собс-

твенному выражению, “отгородиться” от нее своей деятельностью или своими собственными словами, но она в каждый момент готова обрести прежнее свое звучание.

В качестве, как сейчас говорят, рабочей гипотезы, можно допустить вероятность того, что дискурс озвучивается самим субъектом. Не исключено, что это сказано слишком сильно, но пока отложим наши сомнения в сторону. В любом случае, этот дискурс как-то связан с явлением, которое, по нашему предположению, есть не что иное, как непрерывный дискурс, запечатлевающий в памяти поведение субъекта в каждый момент его жизни и определенным образом эту жизнь дублирующий. Гипотезу эту мы обязаны признать не только в силу сделанных нам предположений об основе и структуре бессознательного, но и потому, что она отвечает самому непосредственному нашему опыту.

Недавно один человек рассказал мне следующий случай. Однажды его внезапно испугала едва не наехавшая на него машина, и когда он, надо полагать, делал отстраняющий опасность жест, в его голове (если можно так выразиться) возник и был мысленно произнесен термин “черепно-мозговая травма”. Эта вербализация навряд ли может рассматриваться как часть цепочки рефлекторных действий по избежанию столкновения, следствием которого могла оказаться упомянутая травма: напротив, она слишком отстранена от ситуации, не говоря уже о том, что предполагает ряд всевозможных условий, в силу которых представление о черепно-мозговой травме получило в глазах данного лица особую значимость. Здесь мы отчетливо видим, как возникает этот скрытый и всегда готовый проявиться дискурс, существующий на другом уровне и относящейся к иной партитуре, нежели музыка поведения субъекта как целого.

На том этапе болезни, который описывается Шребером, главной чертой обращенного к нему дискурса является *Unsinn*, бессмыслица. Но этот *Unsinn* не так прост. Субъект, чьи признания мы читаем, описывает себя как невольного слушателя этого дискурса, но субъект говорящий (а субъекты эти связаны между собой, иначе у нас не было бы оснований говорить о сумасшествии) утверждает вещи совершенно ясные, вроде, например, той фразы, что я уже цитировал: “*Aller Unsinn hebt sich auf!*” – Всякая бессмыслица упраздняется, снимается, транспонируется! Именно это, судя по словам Шребера, слышит он от своего постоянного собеседника в качестве приветствия.

Термин *Aufheben** чрезвычайно богат содержанием. Это указание на способ причастности к *Unsinn*, его поиска, апелляции к нему. Вопреки тому, что говорит в своем анализе отрицательных величин (*negativen Groessen*) Кант, *Unsinn* вовсе не является простым и чистым отсутствием, лишенностью смысла. Напротив, *Unsinn* характеризуется в высшей степени пози-

* *Aufheben* (нем.) – устранение, упразднение, (со)хранение, снятие (Гегель) – Прим. ред.

тивностью, организованностью, он складывается из взаимосвязанных противоречий, – и нет сомнения, что смысл бреда нашего субъекта, делающий его роман столь увлекательным, лежит именно здесь. *Unsinn* – это как раз то, что себе противостоит, себя упорядочивает, себя преследует и себя артикулирует в этом бреде. Отрицание не является лишением, и мы увидим дальше, к чему именно оно относится.

Как же артикулируют себя в этом дискурсе тот субъект, который говорит голосами, и тот, что представляет нам сказанное как имеющее значение? Это вопрос чрезвычайно сложный.

В прошлый раз я попытался это показать, настаивая на значимом характере затемнения смысла, проистекающего из того обстоятельства, что голоса своих фраз не заканчивают.

Здесь перед нами особый способ напоминания о значении, который вполне позволяет рассматривать его как структуру, подобную той, на которую я указал, рассказав вам, как больная, слышавшая голос, говори-вший ей: “Свинья”, тут же бормотала в ответ: “Я иду от мясника” – то есть рассматривать как намек, как косвенное выражение цели субъекта. Мы уже имели случай обнаружить здесь структуру, очень близкую к выведенной нами схеме отношений между субъектом, который непосредственно говорит, держит речь, и субъектом бессознательным, находящимся буквально внутри галлюцинаторной речи. Причем искать его следует, нельзя сказать, что “по ту сторону”, ибо “другого” в бреде как раз и не хватает, а скорее “по эту”, в своего рода “внутреннем потустороннем”.

Можно было бы наш анализ продолжить. Но это нарушило бы строгость рассуждения, ибо нам пришлось бы слишком быстро ввести схемы, еще на практике не подтвержденные. Бред содержит достаточно много простых и доступных данных, позволяющих нам продвигаться иным путем и не торопиться.

Надо сказать, что правило “не торопиться” относится к тем принципам доброй воли, которые кажутся мне для успешного изучения структуры бреда необходимыми. То, что эту структуру безоговорочно заключают в рамки психиатрического, как раз и послужило источником непонимания, которое по отношению к ней до сих пор проявлялось. Заведомо предполагая, что речь идет о феномене аномальном, мы обрекаем себя тем самым на невозможность его понять. Мы защищаемся от него, сопротивляемся ему, как соблазну, и судье Шре-беру, простосердечно спрашивавшему у психиатра, не боится ли тот время от времени сойти с ума, этот соблазн был хорошо знаком. Но ведь это чистая правда. И некоторые из лучших психиатров глубоко понимали, куда может завести выслушивание этих типов, весь день забивающих вам голову всяческой несурезицей.

Разве нам, психоаналитикам, не известно, что нормальным субъектом является тот, кто не расположен большую часть своего внутренне-го дискурса принимать всерьез? Обратите внимание, сколько в нормальных субъектах, а следовательно, и в нас самих, происходит вещей, которые мы постоянно стараемся не принимать всерьез. Вполне возможно, что главная разница между нами и психически больными в этом и состоит. Именно поэтому в глазах очень многих, даже если они не отдают себе тебе в этом отчет, психически больной – это воплощение того, к чему может привести привычка принимать вещи всерьез.

Что ж, примем бесстрашно всерьез нашего судью Шребера, и поскольку ни цель, ни высказывания, ни намерения этого своеобразного *Unsinn* нам остаются покуда недоступны, попытаемся обратиться к тем видимым его аспектам, в исследовании которых мы не останемся без путеводной нити.

3.

Во-первых, имеется ли собеседник?

Да, он есть, и по сути дела единственный. Это единство (*Einheit*) очень интересно рассмотреть в свете переведенного мною и помещенного в первом номере нашего нового журнала “*La Psychanalyse*” текста Хайдеггера “*Логос*”, где логос отождествляется с Гераклитовским *En* (*Единое*). В дальнейшем мы увидим, что бред Шребера как раз и представляет собой один из способов отношения субъекта к языку, взятому как единое целое.

Слова Шребера говорят о том, что, с одной стороны, агент этого не-прерывного и как бы отчужденного от него дискурса кажется ему единым, а с другой, он чувствует множественность его модусов и вторичных агентов, которым он различные его части и приписывает. Но в основе все же лежит единство, оно доминирует, и Шребер именуется его Богом. Тут у нас возражений нет. Если он называет это Богом, у него на то есть причины. С какой стати отказывать ему в употреблении вокабулы, находящейся в столь широком обращении? Для иных оно даже служит одним из доказательств Его существования. Зная, сколь трудно большинству наших современников уяснить себе смысл этого слова в точности, почему бы нам не проникнуться особым доверием к бредовому больному, если тому заблагорассудится о Нем говорить?

Самое удивительное, что Шребер – дитя Просвещения (*Aufklärung*), один из последних его плодов; в семье, где он провел детство, о религии и речи не было; в доказательство серьезности своих переживаний он даже приводит списки прочитанных им книг. Но, в конечном счете, Шребер не собирается обсуждать вопрос, ошибается он или нет, он просто-напросто утверждает: – да, это именно так, это факт, и у меня были тому самые прямые доказательства. Если слово Бог вообще имеет смысл, то это именно Бог и есть. До сих пор я никогда не принимал Бога всерьез, но с момента, когда я это пережил, я узнал Бога на опыте. Не опыт является гарантией Бога, а Бог

является гарантией моего опыта. Если я говорю с вами о Боге, должен же я был Его где-то взять? И если в бага-же доставшихся мне в детстве предра-ссудков Его не было, значит, опыт меня не обманывает. Здесь Шребер ра-ссуждает очень тонко. Он не толь-ко оказывается отличным свидетелем, но и не допускает богословских ошибок. Кроме того, он обладает большой эрудицией, и я бы даже ска-зал, что Шребер разбирается в болезни не хуже хорошего психиатра классической школы.

В его тексте есть цитата из шестого издания Крепелина, которую он по-дробно разбирает, и то, что высокая степень убедительности бредовых пе-реживаний кажется автору явлением удивительным, Шребера просто смешит.

Постойте-ка, говорит Шребер, дело обстоит совсем не так. Совер-шенно очевидно, что я не в бреде, как утверждают врачи, ибо я вполне в состоянии согласовывать свой опыт не только с тем, что говорят окру-жающие, но и со здравым смыслом. Бывает, например, что я слышу шум поезда или парового судна, которое подтягивают на цепях (а это производит страшный грохот), и то, что я в этот момент думаю, впи-сывается в регулярные интервалы этого монотонного шума, точно так же, как в железнодорожном вагоне ваши мысли ложатся в знакомый вам ритм перестука колес. Но различать я умею прекрасно, и голоса, кото-рые я слышу, – это нечто совсем особое, чьи масштабы и смысл зада-ются не нами.

Этот взятый у Шребера анализ может послужить для критики “изнутри” в адрес генетических теорий бредовых интерпретаций и галлюцинаций. В тексте есть немало и других примеров.

Но этот Бог, который открылся ему, каков он? Прежде всего, он есть присутствие. И способ его присутствия – речь.

Одно замечание. Мне нет нужды далеко ходить за доказательством того, сколь важную роль в представлениях субъектов о божественном играет провиденциальная функция. Я не уверен, что с богословской то-чки зрения это самый удачный подход, но, открыв почти наугад книгу, где сделана попытка рассказать нам о богах Эпикура, я наткнулся на следующие заме-чательные строки: “С тех пор как люди верят в богов, они убеждены, что те ведают их человеческими делами, что эти две стороны веры тесно связаны (...). Вера рождается из тысячи раз подтвер-ждаемого наблюдения, что бо-льшинство наших действий своей цели не достигают, что между самыми лучшими нашими замыслами и их вопло-щением обязательно остается за-зор, и мы вечно пребываем, таким обра-зом, в состоянии неуверенности – матери надежды и страха”.

Текст принадлежит отцу Фестюжьеру – превосходному писателю и бле-стящему знатоку классической древности. Несколько апологетичес-кий тон этого отрывка, говорящего о постоянстве веры в богов, диктуется, конечно,

его темой, ибо именно вокруг присутствия богов в челове-ческих делах и строится весь эпикуреизм. Нельзя, тем не менее, не уди-виться односто-ронности подобного сведения гипотезы о богах исключи-тельно к их про-виденциальной функции, то есть к требованию, чтобы наши благие наме-рения получали вознаграждение, – мол, будьте пайнь-кой, и все у вас в жизни сложится хорошо. В конечном счете, однако, это очень показательно.

Тем более показательно, что у Шребера, бред которого носит по большей части характер богословский, а партнер является божеством, этот мотив начисто отсутствует. Констатация отсутствия не имеет, ко-нечно, такого решающего значения, как констатация присутствия, и к факту отсутствия какого-либо признака следует при анализе явлений относиться с крайней осторожностью. Будь у нас больше данных о бре-де Шребера, не исклю-чено, что наше утверждение можно было бы и оспорить. С другой стороны, констатация отсутствия необычайно важна для локализации структуры. И я обращаю ваше внимание на следую-щее: всякое понятие – будь то бого-словски грамотное или безграмотное – о провидении, т.е. об инстанции, которая осуществляет расплату, ин-станции, очень существенной для фу-нкционирования бессознательного и проявляющейся на поверхности соз-нания, у Шребера начисто отсут-ствует. А это значит, что божественная эротомания Шребера явно не вписывается в наши представления о сверх-я.

Итак, Бог Шребера перед нами. Мы уже знаем, что это – тот, кто все время говорит, говорит безостановочно, чтобы ничего не сказать. Имен-но так, ведь Шребер на протяжении нескольких страниц размышляет над тем, что это может значить, – Бог, говорящий, чтобы ничего не сказать, и гово-рящий, тем не менее, безостановочно.

Эта навязчивая деятельность ни на мгновение не отличима от того спо-соба присутствия, который присуц Богу. Но отношения Шребера с Богом далеко не ограничиваются этим, и мне хотелось бы обратить вни-мание на существенную и двусмысленную связь между ними, лежащую в том самом измерении, в котором Бог являет себя своей бесконечной болтовней.

В некотором смысле эта связь существовала с самого начала, когда Бог еще не открылся и когда бред судьи опирался на персонажей вроде Фле-шига, и в первую очередь на самого Флешига, его первого лечащего врача. У Шребера есть выражение, на которое я вслед за Фрейдом хотел бы об-ратить ваше внимание, и которое передает суть отношений субъ-екта с его внутренним собеседником. Выражение это позволяет устано-вить преем-ственность между первым и последним собеседниками и на-водит на мысль, что существует нечто общее между Флешигом, иссле-дуемыми душами, царствами Божьими со всеми их предшествующими, последующими, ни-зшими и высшими значениями и, наконец, Богом, к которому у Шребера с тех пор, как им окончательно овладевает мания величия, все и сводится. Будь то на первом этапе бреда, когда содержа-нием его является угроза

насилия или кастрация, на что и обратил внимание Фрейд, или на его последнем этапе, с его сладострастными словесными излияниями, приносящими, судя по всему, Богу не меньшее удовольствие, чем самому субъекту, речь у Шребера все время заходит о том, что страшит его больше всего, – что его “бросят” (*liegen lassen*). Французский перевод, которым я пользуюсь, не так уж плох, так как в нем звучит нечто по-женски сентиментальное. В немецком это не так заметно, и выражение имеет более широкий смысл, буквально: “оставить лежать”. На протяжении всего шреберовского бреда эта угроза “бросить” постоянно возвращается, подобно музыкальной теме или мотиву, проходящему красной нитью в литературном или историческом повествовании.

Поначалу эта угроза входит в темные замыслы насильников и палачей, и ее следует избегать любой ценой. Невольно создается впечатление, что общее отношение субъекта с совокупностью феноменов, во власти которых он находится, характеризуется следующей принципиальной двусмысленностью: сколь бы мучительны, тягостны, навязчивы и невыносимы эти феномены ни были, поддержание отношений с ними – необходимость, избавление от них было бы для субъекта абсолютно губительным. Каждый раз, когда эти отношения прерываются, то есть каждый раз, когда он теряет контакт с Богом (а контакт этот осуществляется на двух уровнях – на уровне слуха, и на другом, более таинственном, связанном с тем, что он называет блаженством партнеров, причем блаженством, которое его партнер испытывает едва ли не в большей степени, чем он сам), каждый раз, когда он лишается Божественного присутствия, в нем возникают разнообразные и невыносимые – каждое по-своему – переживания тоски и внутреннего разлада.

Этот персонаж, с которым Шребера соединяют двойные отношения диалога и эротической связи, неслиянно, но и неразрывно сопряженных друг с другом, характеризуется еще и тем, что он, ровным счетом, ничего не смыслит в делах, собственно человеческих. Но, пером Шребера, черта эта приобретает порой немалую пикантность. О вопросах, которые Бог специально задает ему, чтобы получить ответ, на эти вопросы напрашивающийся, он, никогда не позволяя себе на них отвечать, отзывается в том духе, что меня, мол, на подобной глупости не проведешь. Чтобы эту неосведомленность объяснить, Шребер пускается в довольно разумные и доказательные по форме рассуждения. Как получается, что Бог совершенно ничего не понимает в человеческих нуждах? Как Он может, например, быть настолько глуп, чтобы полагать, будто, стоит мне на мгновение перестать о чем-нибудь думать, так я сразу стану влюсь полным идиотом, а то и вообще обращаюсь в ничто? А ведь Он именно так и полагает, и даже думает воспользоваться этим для того, чтобы скрыться. Каждый раз, когда это прои-

сходит, я нахожу себе какое-нибудь разумное занятие, свидетельствуя тем самым о своем при-сутствии. Если несмотря на весь свой опыт Бог все еще может так ду-мать, значит, выучить его ничему невозможно.

Шребер развивает на этот счет ряд далеко не глупых соображений, высказывая гипотезы и аргументы, вполне уместные даже в чисто богословской дискуссии. Поскольку Бог совершенен и, следовательно, совершенствования не допускает, понятие развития за счет благоприобретенного опыта к нему абсолютно не применимо. Сам же Шребер находит, правда, этот аргумент несколько софистичным, ибо это неумаляемое божественное совершенство наглухо закрыто от всего человеческого. В противоположность Богу, испытующему сердца и утробы, Бог Шребера знает лишь поверхность вещей, он видит лишь то, что видит, совершенно не понимая, что находится внутри, но поскольку где-то, на маленьких листочках, все это с помощью так называемой нотации записано, то в итоге Он все равно окажется вполне в курсе дел.

В другом месте Шребер с очевидностью показывает, что Бог не может иметь ни малейшего представления о вещах столь маловажных и ребяческих, как существование паровых двигателей и локомотивов. Но поскольку в восходящих к блаженству душах вещи эти остаются зарегистрированными в форме дискурса, Бог, воспринимая этот дискурс, все-таки получает некоторое понятие о появившихся на земле мелких изобретениях, начиная от колесной спарки ноги шасси и кончая атомной бомбой. Перед нами система воистину замечательная, и похоже, что открыта она исключительно безобидным путем, в результате имевшего значительные последствия развития символического строя дискурса – развития, представлявшего собой гармонически и непрерывно протекавший многофазный процесс, возникший вследствие нарушения связей субъекта с чем-то таким, что затрагивает функционирование языка как целого.

Я не могу продемонстрировать вам все сокровища, здесь заключенные. Есть у Шребера, например, блестящая дискуссия о Боге в связи с азартными играми. Может ли Бог предвидеть номер, который выпадает в лотерее? Это не такой идиотский вопрос, как кажется на первый взгляд, и поскольку здесь немало людей верующих, я предлагаю им этим вопросом задаться. Понятие всеведения, предполагающее способность указать, какой из многочисленных клочков бумаги принесет выигрыш, заключает в себе значительные трудности. Ведь, с точки зрения реального, между клочками бумаги в этой уравновешенной массе нет никакой разницы, кроме чисто символической. И, следовательно, мы должны предположить, что Бог вступает в дискурс. Это – развитие теории Символического, Воображаемого и реального.

Предполагая это, мы подразумеваем тем самым, что намерения Бога не ясны. Необычайно трогательно наблюдать, как голос бреда, возникший в

результате бесспорно оригинального опыта, наделяет язык субъекта своего рода пафосом, проявляющимся в уважении, с которым он утверждает, что всеведение и благие намерения божеству необходимо присущи. Но он не может не видеть, особенно в начальной фазе бреда, когда мучившие его явления были связаны с разными зловещими персонажами, что Бог эти мучения, по меньшей мере, допустил. Этот Бог ведет абсолютно не позволительную и отдающую издевательствами политику полумер, и у Шребера проскальзывает по этому поводу слово “предательство”. В итоге, ему поневоле приходится предположить, что миропорядок в чем-то существенно нарушен. Как говорят голоса, “Помните: все, что распространяется на весь мир, несет в себе противоречие”. Красота этой мысли в комментариях не нуждается.

На этом анализе структуры божественной личности мы сегодня и остановимся.

Следующим шагом будет анализ отношения всей фантазмагии в целом к реальному как таковому. Рассмотрение регистров Символического, Воображаемого и реального позволит нам, я надеюсь, пролить свет на природу того, что составляет суть бредового диалога.

1 февраля 1956 г.